

ВМЕСТЕ ВОПРОЕКИ

или метаморфозы отношений

Сборник рассказов

Санкт-Петербург
2024

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

12+

Вместе вопреки...

Сборник рассказов. — Санкт-Петербург, 2024. — 441 с.

ISBN 978-5-907720-25-1

Человек мыслит, познаёт, понимает, анализирует и принимает решения.

Человек любит, надеется, ненавидит, сомневается, страдает и творит.

Всё и так очень непросто, а когда встречаются два человека, становится совсем интересно!

Сборник рассказов «Вместе вопреки, или Метаморфозы отношений», изданный по итогам литературного конкурса «Синий бури́вух – 2024», посвящён переплавке чувств, превращению дружбы в любовь, любви в ненависть и прочим вариантам перемен взаимоотношений.

Это истории о людях обычных со своими радостями и драмами; о людях разных времён и пространств, живущих в фантастических мирах со своими социальными законами и предрассудками. Или даже не о людях: кто знает, известны ли любовь и ненависть инопланетянам, искусственным созданиям, лешим, эльфам и древним колдунам?

Как говорится: «Если друг оказался вдруг...», или, может, «старый враг лучше двух салаг».

Что именно может спровоцировать метаморфозу? Непредсказуемые решения, острые конфликты, огонь страсти и лёд презрения – всё это нашло воплощение в захватывающих приключениях.

Что же будет, если?..

Составители: Тим Яланский, Алексей Ладо

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907720-25-1

© «VanGog studio», дизайн обложки, 2024

© ООО «Издательский и книготорговый холдинг
«СЛАВЯНСКОЕ ГОСУДАРСТВО»», 2024

Мария Дёмина

Муза льна и печали

*У любви так тверды руки,
у любви так точен глаз –
Сердце годное для муки сразу видит среди нас...*

Павел Кашин

– О-о, господин вновь заходит в мою лавку! Вы все-таки приглядели подходящий товар? На чем остановили вы свой взор? На этих белоснежных льняных холстах с вытканными лотосами и скарабеями? Или пришлось вам по вкусу ленты из виссона с перьями Маат? – Меня встречает на пороге прекрасная молодая женщина, чуть смуглая, однако намного белее лицом толпящихся за спиной служанок и ткачей. – Кроме нашего льна у меня есть заморская шерсть, окрашенная пурпуром – да, настоящая, из Лидии. Конечно, она немного грубовата, не то что местный лён. Но если вы желаете найти что-то воистину редкое и утонченное – есть у меня и лунная вуаль из жемчужных коконов с далекого Востока. Там таинственные ханьцы с глазами-полумесяцами ткут свой лунный шелк.

Так говорила, по-ионийски напевая каждую «э», прекраснейшая из виданных мною женщин, истинная элинка, скрывающая быстрые ноги под узкой египетской пестротканой юбкой... Однако трудно было представить её в складчатом пеплосе. Она выглядела бы слишком ярко среди наших скромных северных модниц и, в то же время, слишком отличалась от смуглых женщин страны Та-Кемет. Хотя бы тем, что сейчас теребила и накручивала на палец свой собственный локон, а не одну из косичек надушенного парика. (Мне все-таки трудно представить игры Афродиты с женщиной, которая деловито снимает с головы все волосы, прежде чем взойти на ложе. Это смешно и вдвойне неприлично, но некоторые местные обычаи слишком варварские, и об этом не-

пременно нужно не забыть написать.)

Но вернемся к чудесной ионийке, Она всерьез собиралась продать мне штуку неплохого по качеству, но довольно обыкновенного льна, зато сулила скидку только благодаря моему происхождению. С моего левого плеча уже свисал кусок тонкого виссона небесного оттенка, а сейчас она протягивала мне какие-то ленты в цвет моих глаз (о боги!), с вышитыми синими лотосами, и рассказывала о разливе Нила и праздничных традициях в честь этого повторяющегося события. Речь ее лилась журчащим потоком и могла посоперничать полноводностью с упомянутым Голубым Нилом. Я бы поспорил с некоторыми формулировками, ибо изучал немало источников, но мне хотелось слушать ее голос. И даже если я мог перещеголять ее в искусстве ведения речей, подобный дар в устах женщины, излагавшей древние сказания так логично и так складно, казался мне выдающимся. Правда, какой-то из ее работников недобро зыркал на меня черными нубийскими очами, и именно невнятная ревность варвара стряхнула с моих ушей словесные лотосы. Я вспомнил, зачем изначально обратился к этой достойной женщине. Мне рекомендовали её соотечественники, но я сперва хотел осмотреть рынок, так что возвращался к ее лавке не раз и не два.

Я собирался из Мемфиса в Элефантину и, возможно, еще выше по Нилу и хотел нанять проводников, которые одновременно выступали бы переводчиками. (Опять же, эта странная манера местных жителей переворачивать мир с ног на голову в первое время сводила меня с ума. Ну сами посудите, как Север может быть низом, а Юг – верхом! Но так мыслят египтяне.) Кроме того, я с сомнением в голосе спросил ее о недорогом, но приличном постоялом дворе по соседству. Она продолжала приглаживать вытканые лотосы на ленте, но уже переключилась на возможное партнерство в моей экспедиции. Сверкая хризолитовыми глазами, столь редкими в этой части света, из-под подведенных малахитом ресниц и бровей, она поманила меня а я, как мотылек, летящий на свет масляной лампы, не смог устоять.

– Ах, мой господин так жаждет новых впечатлений и хо-

чет видеть и пирамиды, и каменных львов, и боевых слонов, и храм бога Хапи... Конечно, мы договоримся, но прежде вы остановитесь на ночлег в моем доме. Негоже землякам отпускать гостя под варварский кров, когда есть возможность вместе вкусить трапезу, вспомнить далекую родину и получить известия из родных краев. Я же вижу перед собой проставленного путешественника, который поделится новостями. – Позрачные глаза вновь сверкнули в тени навеса, когда она встряхнула головой и волна темно-золотистых кудрей упрямо качнулась в замысловатой прическе с гребнями. – А вы ведь поделитесь, господин Геродот?

Откуда эта женщина знала мое имя?

– Разумеется, расскажу все, что слышал за этот год.

– Тогда жду вас за час до захода солнца.

Вот так со мной приключилось престранное и волнующее событие, хотя о нем я никогда не напишу.

Вечером того же дня я сидел под льняным навесом на крыше довольно богатого и просторного дома и с предвкушением разглядывал как низкий стол со множеством разнообразных сосудов и тарелочек, так и саму хозяйку дома.

Она явно принарядилась к моему визиту: кроме темно-зеленого малахита и сурьмы её веки украшали более яркие краски, а вместо обычного льняного платья узкую талию обнимал калазирис из тонкой, почти прозрачной шафраново-желтой ткани, уложенной мелкими складками, ничуть не скрывающими ни формы груди, ни линии живота и бедер. На ногах позвякивали позолоченные браслеты, тонкие щиколотки обнимали сафьяновые ремешки сандалий (что-то мне подсказывало, что днем моя госпожа ходила босиком). Она хотела понравиться, эта хозяйка ткачей и уроженка Ионии, она явно соблазняла меня.

Дочь почтенного ткача Идмона из Колофона просила звать её на местном наречии Тейт и сразу переключила внимание со своей скромной персоны на мои путешествия. Она

умела не только говорить – она непередаваемо прекрасно слушала. Пока я разливался соловьем и угукал удодам, Тейт расширяла глаза, хлопала в ладоши, обнажала белоснежную линию зубов, когда забрасывала в рот малюсенький соленый пирожок или спелый финик. А как она смеялась! Она не стеснялась своего смеха, как чрезмерно скромные девы Аттики, не издавала призывных визгливых звуков, как толстомясые девки из Беотии или продажные гетеры с островов. Она смеялась открыто, но как-то особенно – только для собеседника. Если Тейт прерывала мои речи, то только чтобы предложить особенно вкусную копченую утку или свежайшую рыбу. В паузах она прищелкивала пальцами, и молчаливый раб немедленно подливал сладкое вино в чашу, иногда забывая добавить воды.

Через три часа застолья я понял, что безнадежно устал. В своих долгих, порой изнурительных переездах я ел скудно и в основном всухомятку, иногда запивая вином столь кислым, что слезились глаза. Оазисы пустынь и заросли камыша, каменистые пригорки и едва видимые проводнику степные тропинки никак не могли сравниться с роскошью зажиточного египетского дома, тем более обставленного в соответствии с эллинскими вкусами. Мне предложили ванну для омовения и комнату для сна, рабы уже отнесли туда немногочисленные пожитки. Госпожа нежно поблагодарила за беседу и вознесла молитву при находящемся тут же алтаре. Над цветами и иными подношениями я заметил фигурки греческих и местных богов, среди которых сразу узнал Гермеса, Посейдона, Афродиту и почему-то кошку (надо побольше узнать об этом местном животном!) и еще более странных местных богов с птичьими головами.

Тейт поклонилась, звеня подвесками и благоухая лотосом и розовым маслом, улыбнулась и... удалилась на свою половину дома. Мои надежды на более тесное сближение разбились в тот вечер о скалы любезности, воспитания и хорошего вкуса. Это было как-то глупо – ожидать низменных утех от свободной и богатой женщины, грамотной и никак не зависящей от мужской воли. Но отчего ее внимание, интерес,

настойчивое приглашение мне поначалу показались знаками *эроса*, а не *филии*?

Прошел месяц. Я благополучно вернулся из поездки к первому порогу Нила. Путь лежал по нагорьям, с каждым этапом все выше и выше. Нашу барку приходилось тащить против течения двум десяткам дюжих ливийцев. Дальше Элефантины продвинуться не удалось. Зато я повстречал множество толковых местных жителей, охотно поведавших истории Верхнего Царства. Что меня действительно поразило – это просторы Нубии и Египетского царства. Где-то южнее должна была протекать река Океан, но, по мнению местных жителей, можно было многие месяцы двигаться к верховьям Нила и так и не выйти на океанский берег. Сдается мне, что кто-то из них лжет, но я не видел своими глазами ни великих озер, на берегах которых живут маленькие люди с непроглядно-черной кожей, ни грандиозных водопадов, ни непроходимых лесов со страшными львами, барсами и пардами...

Зато я видел слонов. На одном огромном поле, нераспаханном наподобие скифской степи, мы наткнулись на целое семейство, и одного из больших, похожих на гору животных держал хоботом за хвост странный зверь, похожий на его уменьшенную копию, но более волосатый и довольно нелепый на вид. Нбунг-птемех, мой проводник, сказал, что это дитя, боящееся отпустить свою мать. И тут что-то кольнуло в сердце, я вспомнил хозяйку ткацких мастерских в Мемфисе, её зеленые глаза и смех, и мне захотелось вернуться. Я знал, кому рассказать о своих открытиях, находках и о маленьком слоненке. Я повернул назад.

Спустя неделю я вновь перешагнул порог нагретой солнцем лавки, вдохнул знакомый запах пыли и благовоний. Но Тейт не нашел.

Ко мне вышел приказчик по имени Бадру, смуглый и рябой, как местный порфир. Представившись, вежливо покло-

нился и заговорил по-гречески, глотая окончания, но в целом весьма понятно. По словам его, хозяйка получила большой заказ от господина первого жреца бога Птаха, покровителя Мемфиса. Жрец заказал обширное покрывало с изображением божества-Творца и его актов творения и жизни со страшной львиноголовой Сехмет. Тейт ухватилась за заказ и удалилась в мастерские, чтобы самолично выполнить волю жреца. Не появлялась ни дома, ни в лавке уже три дня. У нее есть пятеро помощников из греков, нубийцев и египтян – они имеют право входить в мастерскую и по очереди помогать хозяйке, чтобы не дай боги не нарушить последовательность нитей в грандиозной многокрасочной картине.

Я прослушал про жреца, про нубийцев, про Сехмет – всё это было пустой звук. Мне хотелось увидеть ее, Тейт. Не рассказывать взахлеб о поездке, не болтать попусту, а просто увидеть. Молчать и разглядывать. Слушать её смех. Дотронуться. Обнять? Раздеть? Страсть такого рода никогда не завладевала моим, как всегда казалось, трезвым рассудком. Я воспринимал поэзию как красивое сочетание звуков или благочестивую хвалу богам. Но сейчас я впервые понял Архилоха, бранчливого и похотливого, в страсти желающего растерзать или убиться самому. Осознал, что терпел целый месяц, – даже больше, – разговаривая с ней перед сном или мысленно поправляя перевод речей пустынных кочевников. Я все время улавливал ее незримое присутствие, как Ахилл не видел, но чувствовал за плечом поддержку Афины. Этот живой, согревающий взгляд, напоминающий об обманчивом сверкании опала, об утренней Ириде, купающейся в источнике, о полупрозрачных ягодах белого винограда, из которого получают самое драгоценное вино. Эти изогнутые в усмешке губы, пальцы ткачихи, тонкие и быстрые, перебирающие волосы, глядящие золотую вышивку на темно-синей ленте...

Я торопливо переспросил, каким образом добраться мне до мастерской, где изводила себя добровольная затворница. Приказчик изумленно поднял брови и попытался возразить, но я его уже не слушал и поймал за ухо мальчишку в грязной набедренной повязке, нацелившегося на мой кошелек. Я вы-

нул серебряный персидский сикель и, убедившись в поистине религиозном экстазе в глазах озорника, велел отвести к ткацким мастерским госпожи Тейт.

Маленький разбойник сперва немного удивленно посмотрел на меня, а затем устремился в лабиринт заборов из плохонького кирпича, и вот, повернув дюжину раз, мы очутились перед красивым каменным входом на огороженный участок. Я постучал в дверь и прислушался. Было почти тихо, но я слышал скрип и хлопки нескольких ткацких станов, разговоры минимум трех человек, какие-то пощелкивания, drobный стук и топот, как будто кто-то перебежал из стороны в сторону по замкнутому пространству. В скором времени запыхавшийся работник подскочил к двери и на ломаном греческом сообщил, что сегодня все заняты, и никто мой заказ принять не сможет и предложил сходить в лавку. Я прекрасно понимал, что нарушаю рабочий ритм, да и просто навязываю свое общество малознакомой женщине, но я *должен* был ее увидеть и убедиться в том, что... В чем? Что она существует и не привиделась мне месяц назад? Но я ел и спал в ее доме. Что она будет рада меня видеть? Явно не сейчас. Что она мне нужна? Эгоизм чистой воды. Что я идиот, подстреленный Эротом? Это было несомненно, но вряд ли оправдывало мой приход.

Между тем, дверь снова отворилась. Первой я увидел руку: почему-то меня поразил маникюр. В прошлый раз, готов поклясться, руки ткачихи были чистыми и аккуратными, но ногти были малозаметными, кажется, подкрашенными хной. Сейчас они были длинные, агатово-черные и блеснули отраженным светом. При этом остальной облик Тейт был далек от гостеприимной роскоши: всклокоченные кудри, подхваченные широким шарфом невыразительного цвета, небрежно наброшенная льняная рубаша, сверху подвязанная полосатым платком. Глаза, лишенные египетской сурьмы и лазурита, казались еще светлее. Но на лице сияла счастливая улыбка, и я тотчас понял, зачем вернулся.

Мы условились о новой встрече за обедом вечером. Мне нужно было договориться о новой поездке, на Меридово озеро к юго-западу от Мемфиса, а Тейт заканчивала очередной этап своей многодневной работы. Как горделиво пояснила ткачиха, она собиралась за месяц выполнить заказ, на который жрец отводил минимум полгода. К вечеру поднялся ветер, и обед нам накрыли в главном зале у алтаря. Собственно, сегодня это помещение было убрано по-гречески: у широкого и низкого стола, изголовьями по диагонали друг к другу, стояли два ложа. При этом изголовья не были слишком далеки друг от друга – я отлично видел каждый локон в прическе Тейт, каждую ресницу на щеке.

Кроме рассказов, я привез подарки: образец необычной ткани из глубин Ливии (я подумал, что профессиональную ткачиху заинтересует лаконичный орнамент), местные благовония и простенького резного слоника из мягкого камня, похожего на алебастр. Эти дары не были ценными ни в одном смысле, но Тейт рассматривала их как что-то важное, благодарила, а потом поставила слоника на алтарь рядом с подношениями богам. Вообще этот вечер сильно отличался от предыдущего. Я хотел не говорить, а смотреть на мою музу путешествий. В голову пришла шальная мысль, и я сказал:

– Тесея спас не волшебный артефакт, а простая нитка, привязанная к входной двери, но с другой стороны – его спасла прекрасная женщина, предложившая эту нить и сделавшая ее путеводной. Ариадна вдохновила Тесея на подвиг.

– К чему ты вспомнил?

– Мне кажется, ты вдохновляешь меня на новые открытия. Только твоя путеводная нить невидимая. Где бы я ни был, я будто держался за нее рукой...

– Ах, Галикарнасец, ты льстишь маленькой ткачихе. Пройдет совсем немного времени, ты напишешь книгу о своих приключениях, добавишь туда размышления авторитетных ученых, и отправишься в очередное путешествие. Например, в Индию. Или в страну Хань. А то и на север к гиперборейцам. И там найдешь множество новых путеводных нитей.

Она лукаво улыбалась, но голос звучал невесело. Если я